

ГОЛОСЪ РОССІИ

Условія подписки на 1922 годъ: Съ доставкой въ Германію и въ Австрію на 1 мѣс. М. 20. 3 мѣс. М. 60. Для военнопленныхъ подп. въ конторѣ „Гол. Рос.“ 1 мѣс. 11, 3 мѣс. Бандеролью: въ Германію, Австрію, и Венгрію: 1 мѣс. 35 герм. мар. 3 мѣс. 100 герм. мар. въ Финляндію, Эстонію, Латвію, Литву, Чехо-Славію, Юго-Славію, Румынію, Болгарію, Турцію и Палестину 1 мѣс. 40 герм. мар. 3 мѣс. 120 герм. мар.; Францію, Бельгію, Грецію и Люксембургъ 1 мѣс. 6 фр. 3 мѣс. 15 фр. 6 мѣс. 25 фр.; Швейцарію 1 мѣс. 3 фр. 3 мѣс. 7 фр. 6 мѣс. 12 фр.; Голландію 1 мѣс. 1 1/2 фл. 3 мѣс. 4 фл. 6 мѣс. 7 фл.; Англію 1 мѣс. 2 1/2 шилл. 3 мѣс. 6 шилл. 6 мѣс. 10 шилл.; Италію 1 мѣс. 10 лир. 3 мѣс. 25 лир. 6 мѣс. 45 лир. Скандинавскія госу-

дарства 1 мѣс. 2 1/2 кр. 3 мѣс. 6 кр. 6 мѣс. 10 кр.; Испанію 1 мѣс. 3 пез. 3 мѣс. 6 пез. 6 мѣс. 12 пез.; Америку 1 мѣс. 1 1/2 долл. 3 мѣс. 4 долл. 6 мѣс. 7 долл.

Объявленія принимаются въ конторѣ. Одностолбцовая строка непареллельная или занимаемое мѣсто 4 марки 20 пфенниг. При повтореніи скидка по тарифу. Для ищущихъ труда, скидка 50 процентовъ.

Въ случаѣ забатовокъ или другихъ отъ редакціи независящихъ обстоятельствъ подписчики не вправѣ разсчитывать на возмѣщеніе убытковъ за недоставленныя номера газеты.

МОСКОВСКИЙ Художественный Театр.

«Вишневый сад».

Вот и не знаю, как передать огромность моего восторга от последней премьеры труппы артистов Московского Художественного Театра — от чеховского «Вишневая сада». Чувствую, что ни эпитетами, ни прилагательными и не смогу отразить в душе читателя ароматную прелесть этого спектакля. Мне однажды показалось, что в «Дяде Ване» и Чехов, и художники подошли к последним граням нашей откровенности, и я после того спектакля на этих же столбах это сказал. Но это была иллюзия, которую легко поймуть и оправдать, кто когда-либо дѣлалъ высокіе горные подъемы. Помню, какъ въ началѣ войны намъ пришлось перейти Таларизскій перевалъ — на границѣ Россіи, Персіи и Турціи. 13.000 футовъ. Много разъ, достигая большой высоты, мы думали, что это вершина, но это оказывалось лишь подножьемъ новой горы. И только одинъ разъ у насъ появилось чувство подлинности несомнѣнной: вершина! Надъ головою облака, подъ ногами съ четырехъ сторонъ бедна, уныло и немного жутко. Такъ, на послѣдней премьерѣ все въ театрѣ поняли, что, наконецъ, состоялась наша первая настоящая встрѣча съ настоящимъ Чеховымъ въ настоящемъ Художественномъ Театрѣ — въ Московскомъ.

Пьеса гениальна отъ перваго слова до послѣдняго. Въ ней пророческій символизмъ великой русской трагедіи. Драма Раневскихъ — драма цѣлаго народа, цѣлой культуры. Вишневый садъ, политый слезами и кровью рабовъ, идущій съ молотка за легкомысленные долги и падающій подъ ударами тсцора, грубо расчлѣняющаго мѣсто для новыхъ пашенъ — не Россія ли это вчерашняго дня, Россія поэтической лѣны, краси-

выхъ словъ, беззаботнаго мотовства, безплодной мечтательности? Сомнѣніе въ томъ, что Чеховъ побѣдоносно перешагнетъ пропасть, отдѣляющую Россію дореволюціонную отъ новой, должно разсѣяться безъ остатка. Ибо Чеховъ принадлежитъ въ одинаковой степени и той, и другой. Онъ живой тамъ и живой тутъ. Тамъ — онъ всей своей нѣжной жалостью; тутъ — всей своей горячей вѣрой въ будущее. Тамъ — онъ чуткій исповѣдникъ у одра умирающей и безплодной красоты; тутъ — онъ бодрый вдохновитель на созидательный трудъ. Тамъ онъ съ вишневымъ садомъ Раневскихъ; тутъ онъ съ маковыми полями Лопухина. Кому сочувствуетъ Чеховъ? Въ этой тысячѣ десятинъ земли, засѣянной макомъ, огромный соблазнъ. Представьте себѣ этотъ безграничный красный разливъ, этотъ пылающій нѣжными лепестками маковъ необозримый коверъ, ежегодно обновляемый, какъ вишневый садъ!.. Не случайно же брошена Лопухинымъ эта фраза о тысячѣ десятинъ маковъ, давшей ему сорокъ тысячъ рублей прибыли!.. Чехову жалко и Раневскихъ, и старый садъ, и старый домъ — да, несомнѣнно. Но почему то онъ милую Аню, дочь Раневской, эту полную трепета и надежды молодую жизнь, заставлялъ охладѣть и къ старому дому, и къ вишневому саду. Но почему то онъ Варю, проткую и святую, такъ искренно хотѣлъ выдать за Лопухина, принесшаго топоръ въ бѣлое царство вишенъ... Не потому ли, что Лопухинъ ему близокъ упорнымъ порывомъ къ труду, къ строительству, къ дѣлу? Гаевъ поклялся, что имѣніе продано не будетъ, честью поклялся, а имѣніе продано; Лопухинъ не поклянется ли честью, ни чѣмъ либо инымъ, по то, что задумалъ — сдѣлаетъ, исполнитъ, осуществитъ. Лопухинъ срубитъ

вишневый садъ, по кругомъ зашевелится жизнь, закипитъ осмысленный трудъ, въ который Чеховъ былъ такъ сильно влюбленъ. Лопухинъ не станетъ говорить юбилейныя рѣчи дѣдовскому книжному шкафу, но за то не забудетъ стараго Фирса, не забудетъ умирающаго, какъ собака вѣрнаго раба, это составившееся въ материнской заботливости дитя, не забудетъ въ брошенномъ домѣ съ заколоченными ставнями... Только оттого, что кто то долженъ былъ еще утромъ отправить его въ больницу! Въ этой до ужаса жестокой чертѣ легкомыслія, отмѣченной мягкимъ и снисходительнымъ Чеховымъ и безпощадно заостренной имъ въ незабываемой финальной сценѣ — горькій комментарий великаго художника къ красотѣ вишневаго сада. Въ этой чертѣ нелицепріятный его приговоръ надъ старымъ домомъ и всей добротой Раневскихъ и Гаевыхъ. Но тѣмъ то Чеховъ и есть великій поэтъ, что къ живымъ людямъ онъ подходитъ не съ табелью о рангахъ социальной ихъ полезности, а съ умнымъ и чуткимъ сердцемъ. Вотъ отчего насъ такъ волнуетъ и трогаетъ горе Раневской, печаль Гаева, крикъ вишневыхъ деревьевъ, раненныхъ топоромъ Лопухина.

Но самая совершенная пьеса всегда лишь — нотные знаки, получающіе свою жизнь только отъ актеровъ, отъ живыхъ творцовъ. Вотъ почему успѣхъ пьесы на сценѣ всегда въ большей степени побѣда актеровъ, чѣмъ автора. Это вѣрно по отношенію къ Шекспиру, и по отношенію къ Чехову одинаково. Отчетный спектакль одно изъ безчисленныхъ тому доказательствъ. Законченное совершенство образамъ Чехова дали эти замѣчательные артисты, каждое движеніе которыхъ, каждая морщина были правдивы, осязательны, вдохновенны. Отъ первыхъ полусонныхъ зѣвковъ Массалитинова — Лопухина въ сценѣ ожиданія Раневскихъ съ вокзала до

послѣдней воркотни изнемогающаго отъ старости Фирса-Павлова — передъ зрителями текла жизнь дѣйствительная, а не театральное представление. Какъ убедительна была Книпперъ во всѣхъ многостороннихъ проявленіяхъ души Раневской! Сколько органической избалованности въ ея экспансивныхъ выпендркахъ нѣжности къ вещамъ, какая сквозящая неглубина въ ея добротѣ — некрепней, между тѣмъ, какъ ея слезы, какъ ея безотчетный, все проникающій эгоизмъ, которымъ она любитъ и вишневый садъ, и старый столъ. И при этомъ живой умъ, которому лѣнь быть умнымъ, и тонкая душа, расцвѣтающая въ минуты скорби чистой, нетронутой красотой. Качаловъ показалъ Гаева большимъ безпомощнымъ ребенкомъ, въ которомъ еле-еле намѣченный шпютизмъ нисколько не пошелъ — какъ пылъ на пальто. Это воплощеніе **сосредоточенной въ самой себѣ пустоты**. Это — сплошное отраженіе рода, среды, традиціи, стараго дома — и ни одной черты личнаго происхожденія. Самое сильное проявленіе его личности, котораго мы были свидѣтелями, это его безразличное презрѣніе къ «хамству» и «пошлости» Лопухина. Его нормальное состояніе — беззаботность. И вся его трагедія въ томъ, что жизнь мѣшаетъ ему быть беззаботнымъ. Въ его любви къ сестрѣ — Раневской — огромная **родовая** теплота. Во второмъ актѣ Качаловъ-Гаевъ припадаетъ къ плечу своей огорченной сестры съ нѣжностью и **автоматичностью растенія** или молодого ласковаго животнаго. Это необыкновенно хорошо. Его страданіе, прежде всего, отраженное страданіе милой ему сестры. Онъ переживаетъ его молча и сильно. На нашихъ глазахъ старѣетъ онъ по мѣрѣ того какъ на нашихъ же глазахъ омрачается и блекнетъ великолѣпная Раневская. Въ игрѣ Качалова замѣчательно то, что онъ достигалъ богатаго разнообразія

оттѣнковъ въ строгомъ однообразіи внѣшняго облика и тона. На одной струнѣ виртуозно исполненные сложные варіаціи.

Массалитиновскій Лопухинъ — шедевр простоты, правды и силы. Ни одной утрированной ноты. Не хамъ — нѣтъ! Единственный взрослый среди дѣтей, единственный работникъ въ царствѣ бездѣлія. Очаровательно Тарасова въ роли Ани. Это была именно Чеховская дѣвушка, но изъ породы чаекъ, которая не падетъ отъ выстрѣла перваго охотника. Въ ней здоровыя зерна будущаго. Студентъ Петя, котораго очень характерно, мягко и умно изобразилъ Берсенева, рядомъ съ ней кажется ребенкомъ. Превосходна Крыжановская въ роли Вари. Святая работница, чуткая, добрая и покорная. Павловъ — Фирсъ — безконечно милъ и трогателенъ. Всѣми корнями сросся онъ со старымъ домомъ. Павловъ — актеръ большого таланта. Незабываемый лакей Александровъ въ роли Яши. Наглый, жадный, хищный. Совершеннѣйшій хамъ. Отличная Дуляна — Орлова. Сочный и живой Симеоновъ-Пиццикъ — Бакшеевъ. Живой отъ головы до ногъ. Вы встрѣчали его въ любомъ русскомъ уѣздѣ. Комиссаровъ въ роли Ениходопа былъ достаточно глупъ, напыщенъ и сыщенъ. Молодой актеръ съ честью вышелъ изъ труднаго положенія — сыграть роль, знакомую по игрѣ Москвина. Жалкую Шарлотту Николаевну — типичную холостую женщину, безъ рода и племени — показала Гречъ. Шаровъ далъ острый силуэтъ бродяги. Таковы слагаемые этого исключительнаго спектакля. Сумма превзошла математически-законный результатъ. Не научно, но художественный фактъ! Совокупность столькихъ талантовъ во взаимныхъ отразеніяхъ рождаетъ волшебную пѣлу, называемую большимъ искусствомъ.

С. Литовцевъ.